

УДК 82

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН И ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ В РОМАНЕ
СОЛА БЕЛЛОУ «ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОГИ МАРЧА»**

© 2008 г.

М.К. Бронич

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

bronich@sinn.ru

Поступила в редакцию 18.07.2008

Рассматривается проблема историзма и его специфики в романах Сола Беллоу, важнейшей составляющей художественного мира которых становится воссоздание интеллектуальной, политической сути эпохи, формирующей определенную психологию и философские позиции героев. Социально-исторический фон складывается не только из характерных примет быта и нравов времени, но и исторических событий и лиц, становящихся объектом рефлексии героев и автора. Проблема соотношения между свободной деятельностью человека и исторической необходимостью определяет структуру романа.

Ключевые слова: исторический фон, философия истории, пикареска, роман воспитания, трикстер.

Сол Беллоу в своем творчестве никогда не обращался к собственно историческому жанру. Он предпочитал писать о современности, делая экскурсы в прошлое своих героев, которое актуализируется в их воспоминаниях как переживание и осмысление¹. Насыщенность романов писателя философскими проблемами жизни и смерти, добра и зла, которыми мучаются его герои, зачастую приводили некоторых исследователей к заключениям об исключительной доминанте метафизического дискурса в творчестве Беллоу, о вневременном характере его художественного видения [2, с. 7]. Однако именно подчеркнутая темпоральность, укорененность в истории является самой примечательной чертой *всех* произведений американского писателя, важнейшей составляющей художественного мира которых становится воссоздание интеллектуальной, политической сути эпохи, формирующей определенную психологию и философские позиции героев. Можно утверждать, что Беллоу «болен» историей, но историей современной. В основе его произведений лежит интерес к текущей истории, социальности, культуре. В интервью по поводу присуждения ему Нобелевской премии он говорил, что считает себя историком общества, «подобно тому как историк связан периодом, о котором пишет, связан ситуацией, в которой живет» [3, с. 138]. В фокусе его внимания взаимоотношения человека и истории, власть истории над человеком, из-под которой он пытается вырваться.

Третий роман писателя «Приключения Оги Марча» (1953) называют литературным манифестом, выдвигающим проблемы истории на

передний план [4, с. 2], среди которых ключевой представляется заложничество человека у времени. В этой связи автор писал: «Мы вынуждены сохранять свою человечность в стремительно меняющихся обстоятельствах, и я не вижу другого пути, как противостоять проклятию времени и места» [5, с. 17]. Писатель исходит из представления о расщеплении и опустошении современной истории, что с неизбежностью ставит вопрос о «значении истории для мировоззрения и мировоззрения для истории» [6, с. 15]. В романе, принесшем Беллоу известность и признание, оформляется основной конфликт его последующих произведений – столкновение частного и общественного, внутреннего мира личности и внешней, социальной жизни. Отсюда и специфическая жанровая форма «Приключений Оги Марча» – симбиоз романов воспитания и плутовского. Особенности последнего закреплены в названии, которое первоначально задумывалось как «Жизнь среди макиавеллистов» [7, с. 63]. Как и полагается классическому пикарескному роману, он написан от первого лица, но в воспоминаниях рассказчика сознательно фиксируются этапы внутреннего становления личности и ярко высвечиваются фигуры наставников, что присуще роману воспитания. Пикарескный (синхронический) план романа – трагикомические похождения заглавного героя, проведенного сквозь все круги американской жизни, – тесно переплетается с историческим (диахроническим) планом развертывания событий жизни персонажей на протяжении нескольких десятилетий 1920–1940-х годов и психологическим (вневремен-

ным) аспектом повествования, рассказывающим о «путешествии вглубь себя самого» [8, с. 1].

Социально-бытовой фон романа необычайно пестр. Он насыщен колоритными фигурами и материальными приметами времени: одежда, интерьеры, популярные газеты, марки автомобилей и т.д. Читатель знакомится с бытом и нравами иммигрантов из бедняцких кварталов Чикаго, каждый из которых «зарабатывал деньги в эти дни процветания» [8, с. 41]; входит в дом прикованного к инвалидной коляске богача и честолюбца Эйнхорна, у которого Оги начал работать «незадолго до великого крушения во времена гуверновской администрации» [8, с. 65]; вместе с Оги посещает изысканные курорты, где толкуются высокомерные Ренлинги и Фенхели; становится свидетелем, а отчасти и участником разворачивающегося в годы депрессии широкого профсоюзного движения; встречается в Мексике с окружением Троцкого; в послевоенном Париже входит в круг преуспевающих кинематографистов. Язык героев изобилует характерными для времени и среды лексикой и стилистическими особенностями.

Примечательна искусно выстроенная речь бабушки Лауш, вдовы некогда влиятельного одесского коммерсанта, а ныне вынужденной квартирантки Марчей, которая никак не может смириться со своим незавидным положением. Здесь передан особый колорит говора иммигрантки, в котором забавно перемежаются высокопарные рассуждения о высокой культуре интеллигенции, к которой причисляет себя героиня, с русской божбой («*Vozhe moi!*»), ругательствами («*Черта-с два!*»), уточняющими эпитетами на идиш (*ehrllich, wehtig*) и калькированными уничижительными характеристиками соседей и знакомых, вроде «сморщенное яблоко» («*the baked apple*»), «гусыня» («*the secret goose*»), «мясник» («*the butcher*») и т.д. Беллоу следует традиционным рецептам создания национально-исторического колорита. Не случайно его называли «художественным историком, способным точнее показать сущность современных явлений, нежели иные специалисты в области общественных наук» [3, с. 182].

Социально-исторический фон складывается не только из характерных примет быта и нравов времени, но и исторических событий и лиц, становящихся объектом рефлексии героев и автора. В серии «Гарвардских классиков», подаренных Оги Эйнхорном, значатся Плутарх, письма Мартина Лютера, «Путешествие на «Бингле» Чарльза Дарвина. Затем, когда Оги начинает красть для своего знакомого Падиллы книги в магазинах, он буквально заболевает «читательской лихорадкой», проглатывая «Историю пап-

ства» Леопольда фон Ранке, «Культуру Возрождения в Италии» Якоба Бургхардта, а позже, помогая миллионеру Роби собирать материал для книги о всеобщем счастье, читает труды Макса Вебера, Карла Маркса, Ричарда Тоуни. Многочисленные аллюзии на известные исторические события, будь то Столетняя война, падение Бастилии или пожар 1812 года в Москве, отнюдь не просто способ демонстрации начитанности героя-рассказчика в исторических текстах. Оги умеет «слышать» историю. Подобно хорошему историку, он явления и события своих дней постоянно сопоставляет с явлениями и событиями прошлого. Очень важен разрыв (дистанция) между Оги воспоминаний и Оги вспоминающим. Прошлое оценивается не только с позиций моральной философии, выработанной опытом жизни, но и с позиции иного исторического времени – 50-х годов. Очень внимательный исследователь текстов Беллоу Даниэль Фукс замечает, что «лучше всего понять «Оги Марча» можно, если прочитать его как авторское выражение определенного исторического момента, ревизионистской либеральной эпохи 50-х. И хотя сообщается, что действие начинается в грохочущие двадцатые, развивается в сумрачные тридцатые и так далее, чикагский роман опрокидывает устоявшиеся представления об этих исторических периодах» [9, с. 73].

Обилие исторических реминисценций и сравнений теснейшим образом связано с философией истории Беллоу. Они призваны, с одной стороны, показать, что «историческое время – это поток, в котором ничто не ограничивается и не обособляется, а все переходит друг в друга, прошлое и будущее одновременно проникнуты друг другом, настоящее всегда продуктивно заключает в себе прошлое и будущее» [6, с. 50], а с другой – уравнивать обычного героя с героями историческими. Сравнение пикарескного персонажа то с Катоном, то с юным Линкольном, то с графом Лестером при царственной Тее таит в себе не только характерную для авторской манеры скептическую усмешку, но и драматический подтекст. Наделенный даром исторической музыкальности, Оги принципиально не желает включаться в исторический процесс, пытаясь отстраниться от времени. Поэтому не случаен выбор авантюрного сюжета. В нем Беллоу находит структуру, предельно независимую от героя, который зачастую выступает как «чистая функция приключений и похождений» [10, с. 117]. Пространство и время утрачивают непрерывность и гомогенность, они становятся дискретными, разным их отрезкам приписывается различная ценность.

В первой, чикагской части романа Оги помещен в конкретно-исторический контекст. Подробности его описания рассказчик объясняет так: «Все влиятельные лица встали в очередь в ожидании меня. Я родился, и они были тут как тут, чтобы начать формировать меня. Вот почему я о них рассказываю больше, чем о себе» [8, с. 46]. Окружающие его «макиавеллисты»: аристократичная бабушка Лауш, проницательный Эйнхорн, богатая миссис Ренлинг, жаждущая усыновить Оги, преступный Джо Гормэн – пытаются, каждый по-своему, внушить ему философию силы и эгоизма как единственного средства устроить свою судьбу. Но некая врожденная «невинность» героя, которого не раз сравнивали с Гekom Финном [9, с. 75], сопротивляется этим влияниям.

Путешествие Оги с возлюбленной Теей в Мексику – следующий этап его становления. Мотив бегства из цивилизации на лоно природы, являющийся мифологемой национального сознания, наделен несколькими функциями. Он демонстрирует утопичность обретения судьбы исключительно в любви к женщине и невозможность идиллии: Тея (Thea – богиня) на глазах превращается из нежной Венеры в суровую Диану, охотницу на змей и укротительницу орлов. Этот своеобразный выход из исторического пространства и времени оказался иллюзорным. История и здесь настигает Оги, предлагая соблазнительный вариант карьеры. Ещё один «макиавеллист», старый чикагский знакомый Фрейзер, предлагает ему в качестве прикрытия сопровождать в поездке самого Троцкого, преследуемого агентами ГПУ. Буффонный по своему характеру эпизод знаменует самое близкое приобщение героя к живой истории. После мексиканской части в повествовании наступает перелом.

Происходит интериоризация конфликта, акцент переносится на раскрытие внутренней коллизии: поддаться влиянию «макиавеллистов» или остаться верным самому себе, «своим осевым линиям» жизни, как формулирует это рассказчик. Присматриваясь к движению собственной судьбы по оси времен, вдумываясь в динамику своего сознания и своего бессознательного, Оги убеждается, что судьба диктуется характером. Роман открывается и завершается гераклитовым афоризмом «Характер – это судьба». В характере героя подчеркиваются мягкость и сердечность, податливость и слабость («Я действительно «встраивался» в жизнь других» [8, с. 429]). Оги персонаж – комический, не соответствующий миру. В то же время, поскольку «авантюрное положение – такое по-

ложение, в котором может очутиться всякий человек как человек» [10, с. 120], то и авантюрный герой, каким представлен Оги, остается недооволаженным и незавершенным, он показан человеком вообще в поисках своей личной идентичности.

В последней части романа, несмотря на очередное множество сюжетных поворотов, в частности мотивированных исторически – идет вторая мировая война, – усиливается метафизический характер конфликта. Приключения героя перемещаются в область сознания, где и продолжается борьба между историческим детерминизмом и независимостью личности. При этом в размышлениях о власти истории на первый план выдвигается проблема нравственного содержания исторического процесса². В романе обсуждается несколько вариантов взаимоотношений человека с исторической реальностью. Один из них – абсолютное подчинение обстоятельствам, своеобразный исторический конформизм, который «наставники» Марча определяют так: «идти в ногу со временем». Иллюстрацией «исторического человека» (Д. Лодж) выступает в романе Хукер Фрейзер, видящий цель в служении человечеству. В годы депрессии он университетский преподаватель, исповедующий коммунистическую идеологию, затем один из секретарей Троцкого, в 1940-е годы служит в разведке и прикомандирован к штабу Чан Кайши, а после войны Оги его встречает в Париже, где последний работает во Всемирном фонде образования. «Можно было видеть, как в своем высоком полете он перемахивал с одного пика жизненного успеха на другой... Но чем большего благополучия и возможностей он достигал, тем длиннее оказывался следующий прыжок и тем сильнее манила следующая вершина» [8, с. 547].

Другой вариант взаимодействия человека и истории построен на активности человека, преобразующего мир для достижения гармонии, идеала счастья. Здесь Беллоу полемизирует с разными профетическими концепциями исторического развития: философско-религиозной и естественно-научной. И та и другая утопичны и представлены в пародийном ключе.

Полусумасшедший миллионер Роби задумал труд под названием «Игольное ушко», отсылающим к евангельскому речению: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, чем богатому войти в Царствие Божие». Доказательству подлежит тезис о том, что задача истории не в благополучии, а в преобразении душ, обновлении человеческого сознания, а потому следует подсчитать тот материальный мини-

мум, при котором просветление и преображение начинаются. Но трогательная забота о духовном возрождении человечества, которое должно отречься от материальных благ, не распространяется на самого Роби. Он не собирается расставаться ни с центом, проклиная всех филантропов, подающих дурной пример.

Гипертрофированный культ рационального естественно-научного знания как средства подчинения исторической реальности человеку представлен в лице еще одного встречающегося на пути героя помешанного энтузиаста Бейстшоу. Он якобы синтезировал биологические клетки, поглощающие скуку, которая, согласно его теории, является единственным препятствием на пути к всемирному братству. Подробно выписанный эпизод вынужденного путешествия с Бейстшоу завершает приключения героя, подводя итог накопленному Марчем жизненно-му опыту. Героическому энтузиазму Бейстшоу, готового уничтожить всякого, кто противится его планам осчастливить человечество, противопоставляется позиция Оги, отвергающего любую форму героического как притязание на подмостки истории. «Честно говоря, мне порядком надоели все эти великие и судьбоносные деятели, Нобелевские лауреаты, Макиавелли и гении злодейства, воротилы и деспоты, жаждущие абсолютного господства. После того, как Бейстшоу огрел меня веслом, я дал себе клятву больше не поддаваться» [8, с. 585].

Размышления Беллоу над важнейшей философско-исторической проблемой соотношения между свободной деятельностью человека и исторической необходимостью обнаруживают удивительную близость к толстовской философии истории, согласно которой человек, являющийся квинтэссенцией и смыслом истории, «в связи с жизнью человечества, представляется подчиненным законам... Но тот же человек, независимо от этой связи, представляется свободным» [11, с. 364]. Свобода не самодовольна и не самодостаточна, и герой так и повисает между миром исторической действительности и сферой человеческого духа. Прямо на Толстого и его концепцию истории писатель сошлется в более позднем романе «Герцог» (1964)³. А в «Приключениях Оги Марча» той силой, которая помогает человеку совладать с давлением внешних обстоятельств и защитить свою внутреннюю свободу, становится смех, стихия комического, помогающая «*animal ridens* всегда подниматься после падения» [8, с. 599]. Герой обретает черты интеллектуального трикстера, который станет «визитной карточкой» всех последующих романов Беллоу.

Примечания

1. Следует отметить, что известный американский историк Макс Лернер в своем хрестоматийном историческом труде «Развитие цивилизации в Америке» исходит из гипотезы о том, что «дух нации, как и дух отдельного человека, в большой степени складывается из воспоминаний» [1, с. 18].

2. «Макиавеллист» Эйнхорн, утверждая преимущество позиции силы, отрицает нравственный прогресс как иллюзию: «Возьмите всю эту античную культуру, прекрасные произведения искусства, выставленные для широкой публики, творения Микеланджело и Кристофера Рена, а все эти церемонии, скажем, вынос знамени на параде конной гвардии в Лондоне или похороны великих людей в парижском Пантеоне. Смотришь на все это потрясающее великолепие, и кажется, что жестокость и варварство остались в прошлом. Так кажется. А потом задумаешься. И вспоминаешь, что, освободив женщин от эксплуатации в угольных шахтах, разрушив Бастилию, избавившись от судебного произвола короны и Звездной палаты, изжив иезуитов, повысив уровень образования, здравоохранения и сделав вежливость и учтивость всеобщей нормой, люди в течение пяти-шести лет революций и войн истребили двадцать миллионов своих ближних» [7, с. 90].

3. «Свобода, по Толстому, – записывает Герцог, – всецело личная. Быть свободным – значит освободиться от исторической ограниченности» [12, с. 164].

Список литературы

1. Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. Образ жизни и мысли в Соединенных Штатах сегодня / Пер. с англ. В 2 т. Т. 1. М.: Радуга, 1992. 671 с.
2. Opdahl K.M. The Novels of Saul Bellow: An Introduction. University Park- London: The Pennsylvania State University Press, 1967. 200 p.
3. Conversations with Saul Bellow / Ed. by Gloria L. Cronin and Ben Siegel. Jackson: University press of Mississippi, 1994. 303 p.
4. Newman J. Saul Bellow's Sixth Sense: The Sense of History // Saul Bellow in the 1980s: A Collection of Critical Essays / Ed. by Gloria L.Cronin and L.H.Godman. East Lausing: Michigan State University Press, 1989. P. 11–25.
5. Bellow S. How I wrote Augie March's Story // New York Times Book Review 31.Jan. 1954. P. 3, 17.
6. Трельч Э. Историзм и его проблемы / Пер. с нем. М.: Юрист, 1994. 719 с.
7. Rodrigues E. L. Quest for the Human: an exploration of Saul Bellow's fiction. London-Toronto: Associated University Press, 1981. 287 p.
8. Bellow S. The Adventures of Augie March. N.Y.: Avon Books, 1977. 599 p.
9. Fuchs D. Saul Bellow: vision and revision. Durham, N.C.: Duke University Press, 1984. 345 p.
10. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 4-е. М.: Сов. Россия, 1979. 320 с.
11. Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 20 т. Т. 7. М.: Художественная литература, 1965. 495 с.
12. Беллоу С. Герцог: Роман / Пер. с англ В.А. Харитонова. М.: Панорама, 1992. 352 с.

**THE HISTORICAL BACKGROUND AND THE PHILOSOPHY OF HISTORY
IN SAUL BELLOW'S NOVEL «THE ADVENTURES OF AUGIE MARCH»**

М.К. Бронич

The paper considers the problem of historicism and its peculiarities in Saul Bellow's novels representing characters' consciousness dependent on social, political and intellectual conditions. The social and historical background drawn up from the typical details of the modes of life and manners includes historic events and figures as an object of both characters' and author's reflection. The problem of correlation between the individual's independence and determinism organizes the structure of the novel.